

	Проект	«Реальная война»
	Цикл передач	«Порождение бездны»
<i>Творческая группа</i> <i>СпецИстория</i>	Материал	Стенограмма ЧЕТВЁРТОГО выпуска

<u>Кургинян</u> <u>Сергей Ервандович</u>	политолог, президент МОФ-ЭТЦ	далее Кургинян
<u>Сенявская</u> <u>Елена Спартаковна</u>	доктор исторических наук, лауреат Госпремии РФ	далее Сенявская
<u>Литвиненко</u> <u>Владимир Аркадьевич</u>	кандидат философских наук, полковник запаса	далее Литвиненко
<u>Рубцов</u> <u>Юрий Викторович</u>	доктор исторических наук, профессор Военного университета МО РФ	далее Рубцов

Интернет-телевидение ЕСС.TV представляет цикл передач «Порождение бездны» в рамках проекта «Реальная война». Выпуск четвертый.

Кургинян: Польша и Россия в 20-м веке, их взаимоотношения и восприятие, вот с этим-то что? Мы же это чувствуем до сих пор, да?

Литвиненко: Это уже очень давняя история. Польша ...

Кургинян: «Вы грозны на словах, попробуйте на деле», – ну, я не буду там, «о чём шумели вы, народные витии».

Литвиненко: Ну, поляки на деле тоже ...

Кургинян: Так что?

Литвиненко: Давняя, это очень давняя история очень непростых отношений.

Кургинян: Ну, скажем так, по крайней мере, когда теперь говорится, что всё взаимонеприятие Польши и России коренится в советском периоде, то это просто смешно.

Литвиненко: Нет. Нет, нет. Это смешно.

Кургинян: И глубоко смешно, да?

Литвиненко: Достаточно вспомнить несколько разделов Польши, Суворова, Дибича, Паскевича.

Сенявская: А раньше ещё «визит» поляков в Москву. В 1612-м.

Литвиненко: Да, «визит» поляков в Москву гетмана Ходкевича. И тут отношения очень давние. И берут они своё начало чуть ли не с возникновения Речи Посполитой. То есть поляки получили свою первую империю. И вот это вот чувство национального унижения – они не смогли её удержать. То есть они не смогли достаточно простроить свою систему, чтобы сделать свою империю – Речь Посполитую – более устойчивой. В результате русские пришли и отобрали то, что было их. Западная Русь.

Кургинян: Ну, у них же все отбирали, раздел Польши производился же много раз.

Литвиненко: Раздел Польши производился регулярно.

Кургинян: Значит, вопрос заключается в том, что у поляков есть какие-то особые виды на себя.

Литвиненко: Да, они считают себя более великими. Но это естественное чувство любого народа, который не смог удержать свою великую империю. Одни с этим смиряются ... вот, шведы смирились и вроде бы хорошо себя чувствуют. Однако, когда англичане во Второй мировой войне (а она в то время уже начиналась), дабы помочь якобы Финляндии в борьбе против нас, хотели провести войска через шведскую территорию, – шведы сказали, что будут противодействовать силой оружия и выступают

против Финляндии на стороне России – только суньтесь. То есть какой-то вот дух у них тоже остался. Помнят, кем они были. И английский флот на место ставили при случае. Не забыли. Поляки это помнят почему-то более остро. Сказать, что наши взаимоотношения с поляками основаны только советским периодом (это знаменитое катынское дело), ну, это даже не смешно. Уже грустно.

Кургинян: Но вот смотрите, вот эта польская империя ... Сейчас же опять протягивается коридор откуда-то чуть ... от Северной Европы через Прибалтику, через Польшу, Украину и всё прочее и на Кавказ.

Литвиненко: Естественно.

Кургинян: Ну, это какое-то ... Есть какое-то представление о каком-то вот таком своём восточно-славянском величии.

Литвиненко: Есть, конечно, у них представление о восточно-славянском величии. В то же время они понимают в глубине, что никакого величия нет и готовы поучаствовать в чужой игре, чтобы урвать свой кусок. Ну, во-первых, после Мюнхенского сговора в Тишинскую область поляки влезли. По данным нашей разведки имели место (по данным 5-го управления РККА) ... имели место боевые столкновения с немцами. И поляки показали немцам, как это делается. В то время. Вермахт (у нас принято считать – вот вермахт – это такая сила), в 38-м году вермахт не был тем вермахтом, о котором принято говорить ...

Кургинян: Ну, вот то, что мы говорили многократно, что поляки участвовали в расчленении Чехословакии на стороне немцев. Да?

Литвиненко: Да. Они не то, чтобы на стороне немцев ... Они на своей стороне. Они пришли и взяли.

Кургинян: Они на своей стороне. То есть они участвовали в расчленении Чехословакии.

Литвиненко: Черчилль сказал, что Польша с жадностью гиены приняла участие в уничтожении и разграблении чехословацкого государства. Слова

Черчилля. Речь, в общем-то, не о том, что поляки не любят или ненавидят СССР. Ну, неприятие ... Мы и они – славяне. Но они – католики. То есть это противостояние ещё и конфессиональное. Но вот это говорят – неистовство неопитов, они приняли католичество и начали проводить всё это в жизнь с яростью гораздо большей, чем истинные католики.

Кургинян: Потому что эволюционный конфликт и цивилизационный конфликт сильнее всего существует там, где наиболее сходные силы принимают разные стороны, да?

Литвиненко: Да, либо западный проект на этой территории возобладает, когда Польша наступает на Смоленск, на Псков, на Москву; либо восточный проект возобладает, православный. И тогда Польша откатывается. Ватикан то никуда не делся. И священники польские католические, они пропаганду свою проводят, и они участвуют в мирской жизни. И весь итальянский фашизм, в общем-то, очень похоже на то, что был проектом Ватикана. Ну, откуда у Муссолини (и вообще, кто такой Муссолини) ...

Кургинян: В любом случае ясно, что проект Ватикана с проектом Гитлера достаточно прочно пересекались. По крайней мере, что Ватикан спасал нацистов – это мы знаем, про конкордат мы знаем ...

Литвиненко: Пересекались, но в каком плане пересекались ... Первый конкордат с итальянским фашизмом ... Откуда вообще Муссолини мог получить деньги? Что такое государственность Ватикана? После Гарибальди к этому вопросу ни одна политическая партия в Италии не могла подойти, не похоронив свою репутацию. «Наследие великого Гарибальди». Всё. Вопрос закрыт. А итальянцам – партии Муссолини было всё равно. Им терять было нечего и сказали: «Мы восстановим государственность Ватикана». «Всё. Нате вам деньги». Проходит семь лет ... То есть они смотрели, что делают фашисты. Им надо было закрепиться у власти, надо было показать народу, олигархии, правящему классу, что

они чего-то стоят, собой что-то представляют. Они справились с преступностью, они справились с безработицей, они решили внутренние проблемы, они решили парламентский кризис. Они много чего сделали. Да, на деньги Ватикана, при тихой поддержке ... Через 7 лет, когда фашистская партия Муссолини была уже фашистской партией, заключается первый конкордат. Католицизм – официальная религия фашистской Италии. Ну, о каком фашизме может идти речь, если католицизм – официальная религия. Второе. Финансовая независимость, государственная независимость, самостоятельность в решении внешнеполитических вопросов и так далее. Возникает серьёзнейшая опасность. Европа в жесточайшем кризисе: в духовном, в эволюционном, в технологическом, в социальном, в экономическом. Духовность исчезает на глазах. И тут появляется сила, которая может указать куда идти. Ведь католицизм – это мощная сила ... Это вытеснение Англии с континента, это захват лидерства. Если сравнить в технологическом отношении – ну, где Италия, а где Франция и где Англия. Это несопоставимо. Но и во Франции, и в Англии достаточное количество католиков и протестантов. В Англии католиков поменьше, во Франции побольше. Но счёт у одних к другим очень длинный, и если позволить этому знамени подняться по настоящему, – ну, и где будет та Англия и та Франция, если католики и протестанты начнут опять выяснять отношения. Тогда появляется папа Римский, всех объединяет и ведёт в крестовый поход против православия (другие религии пусть читают «против безбожного большевизма»). Не могло это Англии понравиться. И тогда пошли в ход домашние заготовки. Фашизм был, на мой взгляд (нацизм), был имплантирован в Германию, потому что им это было свойственно ... Германский эпос, все эти оккультные общества: «Туле» и другие, – целый перечень, длинный-длинный. Если я начну их сейчас перечислять, это займёт очень много времени. Всё это имплантируется, но как имплантируется – никакой

официальной религии, никакого протестантизма, никакого католицизма. Оккультная мистика. В результате – пожалуйста, Австрия успокоена, включают в состав рейха – то, чего панически боялся кайзер Вильгельм, абсолютно не волновало Гитлера, потому что неважно католики, протестанты ... Фашисты, всё. То есть фашист. И это называется фашизмом. То есть Германия становится опорной государственностью, перетягивает на себя одеяло проекта. Как только Италия подписала с Германией союзнический договор, а технологически Германия сильнее, – всё, никакого католического проекта больше нет. Англичане сделали своё дело. Они решили гигантскую проблему. Теперь эту проблему надо было направить в нужное русло, то есть против нас. Они и это тоже блестяще решили.

Сенявская: А Польша католическая ...

Литвиненко: А Польша католическая страна. И от Польши надо было избавиться. И англичане от Польши избавились, ну, просто гениально.

Кургинян: Но надо при этом сказать, что они как бы и опекали её всё это время. Никто её не опекал так, как англичане.

Литвиненко: Они её и опекали, чтобы Польша, не дай Бог, не договорилась ... Знаете, я ни в коей мере не собираюсь выступать адвокатом дьявола. Но Гитлер вовсе не собирался решать польский вопрос военным путём. Он же был не идиот. Он прекрасно понимал, что миллион польских солдат – это очень хороший союзник. Ведь Польша была единственной страной в Европе, которая готова была реально воевать с Советским Союзом. Поди плохо – миллион польских солдат бросить впереди вермахта на наши укрепления! И Гитлер хотел так сделать, и поляки были не против. Они были очень даже не против. Вот польский вопрос. На заседании английского кабинета 3 мая 1939 года (до войны совсем чуть-чуть) министр иностранных дел Галифакс заявил ...

Из выступления министра иностранных дел Великобритании лорда Галифакса на заседании английского кабинета 3 мая 1939 года: «Конечно, полковник Бек не жаждет войны, но, если она возникнет из-за Данцига, вина за это ляжет на Польшу» (Эдуард Вуд, граф Галифакс: в 1938-1940 – министр иностранных дел Великобритании)

Литвиненко: По словам высокопоставленного офицера Британских ВВС барона Уильяма де Роппа: «Польша более полезна для Англии в роли мученицы, чем в качестве существующего государства». Я, конечно, понимаю, что майор де Ропп (впоследствии полковник) не такая уж большая величина, но он барон, он член палаты лордов, – говорит всё-таки.

Кургинян: По крайней мере, это не запрещено говорить.

Литвиненко: Дальше, этот же майор де Ропп 16 августа (Уильям де Ропп) встречается в 39-м году с Альфредом Розенбергом, где говорит буквально следующее ...

Из беседы барона Уильяма де Роппа с руководителем внешнеполитической службы национал-социалистской партии Германии А. Розенбергом 16.08.1939: « ... в случае войны он будет назначен политическим советником министерства авиации по вопросам Германии, т. е. на должность офицера информационной службы, в обязанность которого входит анализ политического положения Германии и информации о ее намерениях». « ... В нынешней ситуации, ... в случае военного конфликта между Германией и Польшей выступление Франции и Англии последует автоматически. Но даже и в этом случае в интересах урегулирования такого конфликта необходимо стремиться к тому, чтобы не дать превратиться ему во взаимное уничтожение. Здесь возможен вариант, когда Германия быстро покончит с Польшей, и хотя к этому времени война будет объявлена, она в этот период обеими сторонами будет вестись как оборонительная, т. е. артиллерия и другие оборонительные средства возьмут на себя защиту границ, что же

касается воздушных бомбардировок незащищенных городов, которые вызвали бы неистребимое чувство ненависти, то они совершаться не будут. На случай быстрого завершения германо-польского конфликта при этих условиях еще имелась бы возможность быстро ликвидировать войну, поскольку из-за государства, которое практически уже перестало бы существовать в своем первоначальном виде, ни Британская империя, ни Германия не поставили бы на карту свое собственное существование».
(Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937-1939 гг. в 2-х томах. М.: Политиздат, 1981. Т.2. С. 249-250)

Сенявская: То есть за Польшу никто воевать не собирался.

Литвиненко: Это сказано было 16 августа 39-го года. То есть Польшу уже «списали». В чистую «списали». Отсюда возникает вопрос о «странной» войне. Да никакой «странной» войны не было – было заключено «джентльменское соглашение». Но не между майором де Роппом, не между Уильямом де Роппом ... Оно было заключено гораздо раньше. Начало этого соглашения, то есть начало сдачи Польши (если направлять Германию на восток, то естественно, что Польша не нужна ни в каком качестве) ... Если Польша объединиться с Германией, а Польша требует себе колоний, – так она ж полезет в зону ответственности Англии, ну, кому это надо? Польшу просто приговорили. Чехословакию приговорили и сломали. Чехи собирались воевать. И чехи могли воевать. 16 дивизий, призванных из резерва – это знаете ли, не шутки, – так не блефуют. 34 дивизии, более тысячи танков, 2500 самолётов, 1000 орудий и миномётов, – второй арсенал Европы ... И всё это основывается на Судетских горных ... Система Судетских горных крепостей – это не то, что там какие-то укрепления, это горные крепости, это «Брестская крепость» через каждые 5 километров. Там бы вермахт и лёг. Весь. Возникает вопрос: зачем ломали Чехословакию? Значит, вермахт должен был сохраниться. 50 дивизий – всё, чем располагал тогда Гитлер, вот там бы – в Судетах и

осталось. Чехи были на это абсолютно способны. Они готовы были воевать. 19-го числа президент Чехословакии спрашивает у Советского Союза: «Вы готовы исполнить свои союзнические обязательства?» 21-го числа он получает ответ: «Да. Готовы». И в это же 21-е число президент Чехословакии заявляет, что мы полностью принимаем немецкие требования, прошу прощения, не немецкие, а англо-французские требования, подчёркиваю, англо-французские. Что же произошло в период между 19-м и 21-м? Пять раз посол Англии (и Франции) наведывались к президенту Чехословакии. Последний раз это было 21-го числа в 2 часа ночи. И они ему (это в 2 часа ночи), вытащив его из постели, то есть сам факт, что президента страны вытаскивают 2 посла из постели, заявляют следующее: «Если Чехословакия не примет план англо-французского урегулирования, то вина в развязывании новой европейской войны ляжет на неё. Если же Чехословакия обратится за помощью к большевистской России, то война примет характер крестового похода, в котором Англия и Франция не смогут остаться в стороне». Вот против этого чехи были не готовы. Воевать с Германией? – Да, ради Бога. Но воевать с Францией и с Англией? А Польша обязательно ударит в тыл, они это учитывали, и она ударила, в конце концов.

Рубцов: Те, кто сегодня пытается возложить равную ответственность на фашистскую Германию и Советский Союз за развязывание Второй Мировой Войны, старается забыть, что за год до подписания пакта Молотова-Риббентропа было заключено знаменитое Мюнхенское соглашение, конца августа – начала сентября 1938 года. Где лидеры западных демократий, Англии и Франции, договорились с Италией и Германией о фактической передаче Чехословакии Гитлеру. Поэтому, когда я слышу, что именно с пакта Молотова-Риббентропа началась Вторая Мировая Война, и именно этот пакт стал, своего рода, отмашкой для начала этой войны, у меня сразу возникает вопрос – а кто направил

Гитлера на восток? Сначала на Польшу, а потом и на Советский Союз. Не те ли, кто потом пытался возложить на нас ответственность за развязывание Второй Мировой Войны и их нынешние духовные наследники. Теперь ближе к самому пакту Молотова-Риббентропа. На мой взгляд, и этот взгляд не оригинален, пакт заключенный 24 августа 1939 года в Москве и подписанный Молотовым (наркомом иностранных дел Советского Союза) и министром иностранных дел Германии Риббентропом, для нас был мерой – ВЫНУЖДЕННОЙ. И продиктован этот шаг с нашей стороны был элементарным соображением – в любом случае (в предвидение будущего мирового конфликта) избежать войны на два фронта. Ведь совершенно ясно, что в Кремле прекрасно знали о планах Гитлера напасть на Польшу. Знали это и в Лондоне. Знали это и в Париже. Я думаю, что знали даже и в Варшаве. Но, до самого последнего момента (за спиной Советского Союза) наши будущие союзники, в лице Британии, пытались заключить сепаратное соглашение с Гитлером за наш счет. Представим себе на минуту, что пакта Молотова-Риббентропа не состоялось, а состоялся точно такой же договор, но между Лондоном и Берлином. Что мы имеем? Мы имеем войну против, по существу, объединенных сил Европы в условиях, когда Красная Армия, только начинает перевооружение и перестройку. Когда экономика страны не готова к отражению агрессии. Иначе говоря, в случае если бы война с фашисткой Германией началась бы не в июне 1941 года, а скажем в сентябре 1939 года – наше положение было бы во много раз сложнее. И поэтому ход сталинской дипломатии сумевшей, что называется, в последнюю минуту заключить договор с Германией, договор который обеспечил нам почти двухлетнюю передышку, следует считать, ну если, не гениальным, то очень удачным ходом. Мы одним махом решили, как минимум, два вопроса. Во-первых, избежали прямой агрессии фашисткой Германии и разрушили планы англичан и их союзников за нашей спиной

сговориться с Гитлером. А такие планы были. Больше того, планы не только теоретического характера. Вспомним, например, период Финской войны (конец 1939 – начало 1940 года), и известные историкам планы бомбардировок британской авиации нефтепромыслов Баку и другие замыслы наших будущих союзников. Т.е. когда мы говорим о том, что СССР в августе 1939 года стоял перед перспективой встретиться с нападением объединенной Европы, здесь нет ни какого вымысла. Это реальные вещи. И пакт Молотова-Риббентропа эти планы разрушил. Теперь к вопросу о секретных договоренностях СССР и Германией. Да, по секретному протоколу, который был подписан в это же время (в августе 1939 года), во время визита Риббентропа в Москву была достигнута договоренность о разделении сфер влияния между Германией с одной стороны и Советским Союзом с другой стороны. Через месяц, в сентябре 1939 года, был заключен новый договор – «О дружбе и границе» между Германией и СССР, и был заключен еще один секретный протокол уточняющий систему разделения Восточной Европы по сферам влияния. Обратите внимание, какие государства вошли в сферу влияния СССР. Мы, что, замахнулись, условно говоря, на Балканы? На Центральную Европу? Нет. Сюда в сферу нашего влияния вошли страны, непосредственно примыкающие к западным границам СССР. Это – Финляндия. Это – Прибалтийские государства, включая Литву (по сентябрьскому протоколу). Это – восточная Польша. Это – те области Румынии и Венгрии, которые отошли от российского государства в результате Первой мировой и Гражданской войны. Иначе говоря, то, что на западе (накануне Второй Мировой Войны) называли санитарным кордоном против СССР. Так вот, обеспечивая собственное влияние на этих территориях, СССР фактически отодвигал этот кордон на запад (примерно на 170-300 км) на разных направлениях. Это было очень важно. И важность это акта продемонстрировала сама Великая Отечественная Война. Представьте –

если бы Великая Отечественная Война началась на 300 километров восточнее от той линии, где она началась реально. Положение СССР было бы значительно сложнее. Другое дело, что руководство СССР не смогло в полной мере воспользоваться теми возможностями, которые представил пакт Молотова-Риббентропа. Но это уже другой вопрос. А сам по себе этот пакт, я считаю вполне нормальным дипломатическим актом. Здесь советская дипломатия шла в русле международной дипломатии того времени в целом. В такого рода пакте, и даже в секретных протоколах, не было ни чего уникального. Точно также действовали Великобритания, Франция, Польша, Румыния и я уже не говорю об Италии и Германии. Другое дело, что почему-то, наши оппоненты предлагают судить советскую дипломатию, советскую политику, исходя из каких-то иных критериев. На мой взгляд, критерии должны быть одинаковы. Мир находился накануне войны, причем глобальной войны, и каждая страна решала свои вопросы по обеспечению собственной безопасности. И если бы советское руководство выдерживало бы иную линию – его следовало бы осудить. На самом деле сталинское руководство решало ту же самую задачу. Есть один аспект в этом вопросе. Особенно большое недовольство пактом Молотова-Риббентропа проявляют, так называемые, «малые» страны – это Прибалтийские государства, это – Польша. Но, дело в том, что не надо забывать простейших законов геополитики – когда начинают сдвигаться две тектонические плиты, там маленькому камушку делать нечего. Так и здесь. Безусловно, небольшие государства, те же самые Прибалтийские, они должны были в силу логики развития событий занять то или иное место. Выбрать или один, или другой лагерь. Советский Союз, в этих условиях, в условиях нарастания опасности войны, сделал все, чтобы эти страны были в нашем лагере, служили бы защите интересов Советского Союза в целом. Ведь совершенно ясно, что та же самая Прибалтика, если бы не попала в сферу влияния СССР, она стала бы

плацдармом для гитлеровских войск. И ход войны, особенно её начальный период, показал, что ту же самую Прибалтику вермахт использовал довольно эффективно с целью навязывания нам и стратегической линии и достижению конкретных военных успехов.